

УДК 801.8; 81'42; 398

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-3-56-62

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МОТИВА «МАГИЧЕСКОЕ БЕГСТВО» В РУССКОМ И СЕЛЬКУПСКОМ ПРОЗАИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

А. В. Терещенко

Томский государственный педагогический университет, Томск

Рассматриваются особенности репрезентации мотива «магическое бегство» в сравнительно-сопоставительном аспекте на материале русских и селькупских сказок. Представлены различные формы магического бегства: бегство с бросанием предмета и превращением его в препятствие, бегство с превращениями, бегство и погоня с последовательными превращениями. Анализируется композиционная структура и сюжет сказок, приводится описание бегущего персонажа и преследователя. Выявлены черты сходства и отличия при интерпретации мотива магического бегства в селькупском и русском прозаическом фольклоре. Взаимодействие и взаимовлияние фольклорных традиций обусловило общность сказочных мотивов.

Ключевые слова: *мотив «магическое бегство», сюжет, композиция, прозаический фольклор, волшебство, персонаж, русские народные сказки, селькупские сказки.*

Народная сказка – явление сложное и многогранное, важная составляющая фольклора. Развиваясь на протяжении столетий, сказка отразила представления людей о разнообразных аспектах действительности. Именно сказка из всего многообразия фольклорных жанров наиболее организована по структуре и подчиняется определенным законам. Художественный мир народной сказки с его фантастическими образами и картинками представляет интерес для осмысления этнической картины мира. Сказка как уникальный жанр народного творчества обладает способностью не только воспроизводить те или иные реалии, но и по-своему трансформировать их.

Сказки, как и другие жанры фольклора, передавались от одного народа к другому, тем самым обогащая его язык. Эти процессы взаимодействия и взаимовлияния принимали и носили тем более интенсивный характер, чем активнее сказочники переосмыслили фольклорные сюжеты соседних народов. Отсюда становится понятным, почему в русских и селькупских волшебных сказках нередко выявляются схожие мотивы и сюжеты.

В данной статье речь пойдет о мотиве «магическое бегство», который по праву считается одним из наиболее распространенных мотивов не только в фольклористике, но и в мировой литературе. В сказках народов мира нередко встречаются описания бегства и погони, где герою приходится спасаться от преследователя. Не случайно вопросам рассмотрения мотива магического бегства посвящен ряд работ В. Я. Проппа [1, 2], М. К. Азадовского [3], Е. М. Мелетинского [4], Э. В. Померанцевой [5] и др.

Тем не менее в настоящий момент недостаточно исследований, посвященных вопросам сравнительно-сопоставительного изучения мотива магическо-

го бегства на материале фольклора разных народов мира. Здесь следует согласиться с точкой зрения отечественного лингвиста В. Я. Проппа о том, что «...необходимость всестороннего сравнительно-исторического исследования наиболее остро ощущается в области сказковедения. Даже в тех случаях, когда может быть установлена несомненная приблизительная типологическая близость сказочных сюжетов, типологический аспект сравнительного анализа оказывается недостаточным» [1, с. 42].

Рассмотрение мотива магического бегства в русском и селькупском прозаическом фольклоре видится чрезвычайно важным и актуальным, поскольку позволяет сделать выводы об особенностях интерпретации данного мотива в сибирском географическом ареале. Кроме того, выявление сходства и отличия в воплощении мотива магического бегства в русских и селькупских волшебных сказках позволяет судить о взаимодействии этносов и древности мотива как такового.

Источником настоящего исследования послужили русские народные сказки, собранные выдающимся фольклористом, литературоведом, историком и этнографом А. Н. Афанасьевым в конце XVIII – начале XIX в. Трехтомник сказок включает огромное разнообразие фольклорных произведений, отражающих быт, обычаи, традиции и культуру различных частей нашей страны, а именно Владимирской, Енисейской и Пермской губерний, воронежские народные сказки и предания, сказки и мифы Русского Севера, легенды пушкинских мест, а также сказки Куприянихи.

Для сопоставления были привлечены селькупские сказки, а также волшебные сказки Сибири, записанные собирателями фольклора в разные годы, начиная с прошлого века и до 1980-х гг. Хотя дан-

ные сказки остаются русскими по своей сути, все же они обладают своеобразным колоритом (этнографическим и поэтическим), имеют свои локальные особенности, порожденные историческим, социальным и другими факторами.

В сюжетном составе русских и селькупских волшебных сказок мотив магического бегства представляет особый интерес. Следует подчеркнуть, что в дальнейшем для описания разнообразных форм магического бегства, которые позволяют раскрыть проблему сказочного бегства в целом, автор ссылается на классификацию, разработанную В. Я. Проппом [2]. Среди основных форм бегства, встречающихся в фольклорных традициях разных народов мира, выделяют следующие: бегство с бросанием магического предмета, бегство с превращениями, бегство (и погоня) с последовательными превращениями и др.

В русских народных сказках бегство главного героя не имеет определенного, четко фиксированного места относительно структуры повествования. Герой может спастись бегством, попутно бросая предметы на своем пути, оборачиваясь в какое-либо животное (растение, фантастическое существо), преодолевая препятствия или последовательно превращаясь в различные предметы.

Как правило, в русских сказках бегство мотивировано и выражено совершенно ясно – читателю понятно, с какой целью и от кого убегает герой. Герой бежит от преследователя-антагониста, стремясь либо спасти свою жизнь, либо уйти от опасности. Следует обратить внимание на то, что герои русских сказок спасаются бегством от самых разнообразных персонажей: злой Бабы-яги («Баба-яга и жихарь», «Марья Моревна», «Баба-яга и Заморышек»), грозного царя-медведя («Иванко Медведко», «Девушка и медведь»), хитроумной Елены Прекрасной («Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке»).

В сказке «Иван Попялов» представлена одна из форм магического бегства – бегство с бросанием предметов [6, с. 271]. Спасаясь от Бабы-яги, Иван кидает позади себя гребень для волос и камушек, которые превращаются в горы и лес. Следует отметить одну из характерных особенностей русских народных сказок – магические предметы, которые впоследствии образуют преграду, похищены главным героем у самого же антагониста.

Зачастую в русских сказках бежать героям помогают животные. Именно так происходит в сказке «Федор Тугарин и Анастасия Прекрасная» [6, с. 405]. Федор спасает царевну, бегущие садятся на верного коня Федора, а волшебные предметы материального мира, из которых возникают преграды, Федор достает из тела животного. Из уха коня Федор вынимает цепочку, которая затем превращает-

ся в лес, а также маленькую скляночку, которая становится рекой. Убежав от Змея Горыныча, герои созывают гостей и празднуют свадьбу.

Мотив магического бегства с превращениями прекрасно иллюстрирует русская сказка «Морской царь и Василиса Премудрая» [6, с. 519]. Здесь магическими способностями обладает девушка, которую царевич похитил у Водяного царя. Василиса Премудрая помогает бежать царевичу, «оборотив его старым старичком, себя – ковшиком, коней – колотцем». На протяжении повествования герои превращаются три раза, представая перед читателями в образах старого попа (царевич) и церкви (Василиса Премудрая). В третий раз «оборотила Василиса Премудрая коней рекою медовою, берегами кисельными, царевича – селезнем, себя – серою утицей. Водяной царь бросился на кисель и сыту, ел-ел, пил-пил – до того, что лопнул» [6, с. 521].

Как известно, число три – одно из знаковых, символических чисел в русском фольклоре – во многих сказках желания исполняются только на третий раз, чтобы добиться успеха, нужно предпринять три попытки и т. д. [7].

В отличие от рассмотренных выше сказок в «Сказке о семи Симеонах» роль бегущего исполняет не юноша, а девушка [6, с. 559]. Царевна бежит от семи богатырей, превращаясь в белую лебедь, но «стрелец ее подстреливает, пловец ее достает, а лекарь вылечивает» [6, с. 560]. Примечательно, что в фольклорном сборнике А. Н. Афанасьева данная сказка имеет несколько версий, записанных на территории разных губерний (Архангельской губернии, Никольском уезде Вологодской губернии и Тверской губернии). В более полных формах сказки царевна делает ряд превращений: «...упала, ударились о корабль, превратилась в уточку и улетила» (Никольский уезд Вологодской губернии) [6, с. 711] или «...ударилась о корабль и обратилась в звездочку, а потом поднялась под небеса» (Архангельская губерния) [6, с. 732].

В центре повествования – общий для многих народов мотив о девушке-лебеди, восходящий к древнейшим легендам, которые, в свою очередь, основаны на верованиях в орнитоморфные тотемы. Зачастую обращение главного героя или героини в птицу (ястреба, гагару, утку, лебедя) у сибирских народов раскрывается как шаманская ловля души умершего.

Не менее распространен в русских народных сказках мотив магического бегства, в котором убегает жена царевича, превращаясь в уточку. Царевич старается вернуть девушке человеческий облик, но она последовательно превращается в ряд животных. Примером служит сказка «Марья-царевна», в которой убегающая героиня «обернулась скакухой, потом ящерицей и всякой гадиной, а

после – веретенечком» [6, с. 296]. Старец советует молодцу «...как прилетит она, ты старайся поймать ее за голову, и как поймаешь – она начнет превращаться лягушкой, жабой, змеей и прочими гадами, а после превратится в стрелу. Ты возьми эту стрелу и переломи вдвое» [6, с. 271]. Интересной особенностью является то, что Марья-царевна, превращаясь в ряд животных или предметов, показывает нежелание возвращаться из волшебного царства в реальный мир.

В сказке «Хитрая наука» мотив магического бегства с последовательными превращениями интерпретируется следующим образом – превращается как бегущий, так и преследователь. Ученик бежит от колдуна, оборачиваясь ершом, конем, зернышком и ястребом, а стремящийся догнать его колдун становится щукой, волком, человеком и петухом. Концовка сказки вполне традиционна – добро побеждает зло, «ястреб разрывает петуха и улетает в небо» [6, с. 361].

Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить, что на страницах трехтомника русских сказок А. Н. Афанасьева представлены самые разнообразные формы магического бегства, наряду с которыми можно выделить наиболее распространенные: бегство с бросанием волшебного предмета, бегство с превращениями, бегство с многократными превращениями. Значительную группу составляют сказки, в которых бегущий бросает предмет, впоследствии превращающийся в препятствие на пути врага. Как правило, на месте падения предмета возникают различные географические объекты – гидронимы (озеро, река, ручей), топонимы, оронимы (гора, холм, рельеф). В большинстве русских сказок мотив магического бегства тесно переплетен с мотивом женитьбы персонажа.

Мотив магического бегства во всем многообразии его форм и видов широко представлен в сибирских волшебных сказках. Например, у одного из коренных малочисленных народов Сибири – селькупов – существует немало сказок и мифов о происхождении мира и человека, строении мироздания, в которых мотив бегства играет немаловажную роль.

Во многих селькупских богатырских сюжетах встречается мотив магического бегства с бросанием предметов. Так, на месте брошенного гребня, кремня или огнива возникает горный хребет. Если богатырь, убегая от врага, бросает точило, то оно превращается в остров. В качестве примера приведем сказку «Анга и Кеть», записанную Н. А. Тучковой со слов информанта И. Карелина (с. Максимкин Яр, р. Кеть). Сказочный сюжет повествует о борьбе двух богатырей близ Богатырской горы (вероятно, фольклорные мотивы отразились в наименовании топонима). Оба богатыря не докинули

свое оружие до противника: копьё одного из них прорубило землю и лес, тем самым создав русло реки Кети. Топор другого силача пробороzdил землю, где пролегла река Анга [8, с. 205].

В сибирской сказке «Хороший охотник» (записана Л. Е. Элиасовым от Е. И. Сороковикова, с. Коношаново, Иркутская обл.) магическое бегство с бросанием предметов описано довольно традиционно. Герой бежит от Бабы-яги, гребень и камни превращаются в холмы и горы. Сказка насыщена местными историческими и этнографическими реалиями: «Это ведь Сибирь, сюда все ссыльные прибыли» [9, с. 151].

В некоторых селькупских сказках мотив магического бегства становится формальным приемом сюжетосложения. В селькупской сказке «Семь островов на Енисее» герои находятся практически в непрерывной погоне друг за другом [10, с. 74]. Шаман и герой-трикстер, окунувшись в воду, превращается в щуку. Перевоплощение в рыбу далеко не окончательно, поскольку, чтобы поговорить с богом Нумом, герой оборачивается соколом и взлетает высоко в небо. Лишь только к концу сказки главный персонаж вновь становится человеком. Преследовавший юношу черт превращается в налима. Следует отметить, что перевоплощение в рыбу более характерно для сказочных сюжетов северного диалектного ареала: шаманы превращаются в щуку, а черти – в налимов. В сказке представлен мотив магического бегства с неоднократными, последовательными превращениями.

Во многих сибирских сказках мотив бегства с многократными превращениями тесно взаимосвязан с выполнением героем определенных заданий. В сказке «Иван, сын охотника» (записана В. Г. Булгаковым от крестьянки Пелагеи Еремеевой, с. Коура Тогучинского р-на Новосибирской обл.) герой убегает вместе с дочерью колдуна от хозяина [9, с. 62]. Дочь-волшебница помогает юноше выполнить задания отца – за ночь создать медовое озеро с лебедями, церковь со службой, хрустальный дворец. Чувствуя приближение погони, дочь колдуна превращает себя в попа, Ивана – в часовню, затем сама превращается в тетерева, далее – в утку, превращая Ивана в березу, затем – в озеро.

В селькупской сказке «Орел и Иван-царевич» (записана М. В. Красноженовой от Г. Д. Кузнецова, г. Красноярск) главному герою спастись от преследователей помогают верные помощники – Орел и лошадь [9, с. 53]. В сказке привлечено множество элементов, характерных для сказок других мировых фольклорных традиций (шкатулочка, волшебный перстень, избушка на курьих ножках).

Иван выполняет задание – ему было приказано за ночь оседлать кобылицу, которая «хуже, чем лвица», после чего следует описание самого

магического бегства. Необычно своими деталями не только бегство, но и погоня, во время которой превращаются как бегущий, так и преследователь. Кощей превращается в «громдного бычищу с тонкими боцищами», который решил попить воды из озера. Молодец же превратился в селезня, прыгнул в озеро и «то тины быку (Кощею) подсунет, то травы подзуживает» [9, с. 56].

Характерной особенностью сказки «Орел и Иван-царевич» является ярко выраженный сибирский, национальный колорит. Повествование разворачивается на фоне тайги. Обращаясь к избушке на курьих ножках, Иван говорит: «Избушка, избушка, повернись задом к тайге, а передом ко мне» [9, с. 57].

В селькупской сказке «Иванушка да Марья Чудовна» (записана Н. Малаховой от Е. М. Грачевой, с. Кривошеино, Томская обл.) герой не только бежит, но и попутно выполняет задания, чтобы благополучно преодолеть путь. Иванушка «ленточкой перевязывает березку, чтобы она его пропустила, в пяточку наливает масло, чтобы ворота раскрылись, собакам подкидывает мяса, кошкам дает сала, голубям посыпает пшена» [9, с. 236].

Селькупские сказки характеризуются сложным композиционным построением, зачастую сочетание мотивов может быть довольно необычным. Наличие многообразия мотивов в сказке «Царевич и Кощей Бессмертный» (записана Н. Комаровой со слов сказочницы А. И. Горбуновой, с. Тискино Колпашевского р-на Томской обл.) подтверждает и использование главными героями различных атрибутов, не характерных для магического бегства, а именно волшебной палочки – девушка выручает героя и за ночь из соломинки шьет двенадцать пар туфель и платье [9, с. 252]. В данной сказке, в отличие от рассмотренных ранее, бегущие не превращаются в животных при помощи метаморфоз – они сохраняют человеческую ипостась на протяжении всего повествования. Для создания преграды от преследователя девушка бросает красный платок, который тут же превращается в широкую реку.

Сказка «Царевич и Кощей Бессмертный» (иногда встречается название «Заколдованная царевна») имеет множество версий и интерпретаций. Очевиден тот факт, что сюжет уходит глубоко в древность, что подтверждает неразработанный, забытый конец сказки. Во всех пересказанных вариациях мотив магического бегства является основой повествования, который служит своеобразным стимулом к развитию действия всей сказки.

Мотив магического бегства в селькупских сказках зачастую связан со сказочным мотивом о девушке-лебеди. Примером служит сказка «Ярахта Кривой» (записана Г. Н. Потаниным со слов М. Кушникова, г. Сургут, Тюменская обл.). В сказке отсутствует подробное описание магического

бегства, внимание читателя привлекает главный персонаж – лебедь [9, с. 281]. Образ лебедя антропоморфен, он предстает перед нами то в женском, то в мужском облике.

В сказке довольно отчетливо ощущается связь с бурятским фольклором, общность фольклорных традиций. Согласно бурятским мифам и преданиям, лебедь считается священной птицей, именно поэтому охотник спасает ее [11]. Выполнять задания охотнику помогает добрый филин, который дарит ему шкатулку. Филин – распространенный персонаж бурятского фольклора, который учит людей выживать в тайге, разводить костер и преодолевать трудности.

В рассмотренных выше волшебных сказках Сибири магическое бегство и погоня были обоснованы: персонаж спасался от преследователя, выполнял задания, для которых нужно было преодолевать расстояние, искал что-либо. Подобное мотивированное бегство в сибирских сказках встречается далеко не всегда. Например, в сказке «Настасья – золотая коса и Иван-царевич» (записана Л. Бабенко от Т. И. Кристинко, с. Ювала Кожевниковского р-на Томской обл.) причина магического бегства героя не ясна читателю, хотя довольно подробно описан сам процесс бегства и попутное выполнение персонажами заданий [9, с. 230].

Особое внимание следует обратить на образ преследователей-антагонистов, от которых бегут герои селькупских сказок. Как правило, преследователи – это фантастические существа, хозяева природных стихий. Образ преследователя во многом антропоморфен, он может выступать одновременно в нескольких ипостасях, меняя свою гендерную принадлежность (как в сказке «Ярахта Кривой»).

Перечислим некоторые наиболее распространенные образы преследователей в селькупских сказках: хозяин воды, чудо морское, подводный царь, морской царь, нечистый дух, чудовище, Кощей (в некоторых текстах отец Кощей), Кощей Бессмертный, черт, змей (змея), водяной, филин, колдун, дед «сам маленький, а борода длиннючая». Нередко преследователи – это существа низшей мифологии (черт, шайтан, леший, сатана, водяной), которые не имеют божественного статуса, подчиняются высшим божествам и занимают низшие ступени в иерархии мифологических существ. В сферу низшей мифологии, согласно воззрениям коренных сибирских этносов, входят различные духи (дух хозяина, дух-помощник), используемые в ритуалах [12]. Примечательным является тот факт, что в селькупских сказках различные ипостаси преследователей сливаются в единый образ, который отражает мифологические представления дохристианской веры.

Как упоминалось ранее, селькупские сказки имеют комплексную структуру, зачастую объединяя

несколько мотивов одновременно. Примером и доказательством служит сказка «Жар-птица и царь Ирод» (записана Н. Ибрагимовой от М. И. Судиевой, с. Крутоложное Кожевниковского р-на Томской обл.), в которой мотив магического бегства сочетается с мотивом «три царства» [9, с. 128]. Как правило, описание внешности героев не свойственно волшебным сказкам, но «Жар-птица и царь Ирод» является исключением [13]. Исходя из описания внешности главной героини, можно сделать выводы об идеале красоты сибирячки. Как правило, на тот момент красавицами считались смуглые, темноволосые девушки с темными глазами, «девушки чернявые». Сказка отличается ярким и выразительным языком, в речи персонажей встречаются присказки, пословицы, поговорки, загадки.

В сказке «Жар-птица и царь Ирод» ярко выражен сибирский колорит. Герой убегает, на пути ему не раз встречается избушка. Избушка утратила свое зооморфное изображение – это более не избушка на курьих ножках, способная вращаться по велению своего хозяина. В данной сказке избушка напоминает скорее охотничью сторожку, которые обычно строились в тайге. Главного героя собирают в дорогу, ведь ему необходимо бежать и выполнять задания, поэтому «полный куль пирожков да пельменей ему дали, сухарей засушили и отправился он в дорогу дальнюю» [9, с. 131].

Таким образом, сибирские сказки во многом близки к русским, оставаясь в то же время своеобразными и самобытными. В то же время селькупская сказка – сложное лингвистическое явление, на которое оказали влияние фольклорные традиции соседних народов. Особенно много общего с русскими сказками в фольклоре, записанном на территории Томской, Новосибирской, Иркутской областей, а также Красноярского края. Следует сделать вывод, что коренные жители этих территорий наиболее тесно общались с русскими. Следовательно, селькупские сказки представляют своеобразный синтез мифологических и религиозных представлений большого количества этносов.

Примечательным является тот факт, что некоторые коренные народы Сибири относятся к сказке как магическому атрибуту. Даже в наши дни знаменитый мотив магического бегства разыгрывается чукчами в их похоронном обряде [14, 15].

В селькупских сказках зачастую объединено несколько сюжетов (в русском фольклоре бытующих как отдельные сказки), они сложны по композиционному построению, динамичны. Мотив магического бегства в волшебных сказках Сибири может быть представлен в следующих формах: с бросанием предмета и превращением его в препятствие; с превращением только бегущего; с превращением как бегущего, так и преследователя; с временным

превращением и возвращением к первоначальному виду; без превращения.

Как в русских, так и в селькупских сказках герой, спасаясь бегством, бросает позади себя определенные предметы, которые создают барьеры на пути преследователя. Как правило, эти барьеры превращаются в географические объекты – гидронимы (реки, озера, моря, ручьи), топонимы и их разновидности – оронимы (горы, холмы, рельефы). Предметы могут быть самыми разнообразными, но среди них наиболее распространены гребень и камень, которые превращаются в топонимические объекты – лес и горы.

Характерным для селькупских сказок является брошенный платок (в некоторых текстах – полотенце), который превращается в гидроним – реку. Зачастую в сказках указан и цвет платка – красный. В некоторых случаях герой, спасаясь от погони, бросает волосы или части организма животных (например, жидкий жир рыб). Из волос образуется лес, а из жира рыб – озеро.

В свою очередь, в русских народных сказках зафиксирован сюжет, в котором герою спастись бегством помогает животное, причем из его тела персонаж достает предметы материального мира (цепочку, скляночку и др.), которые впоследствии образуют преграду. Подобный сюжет не столь распространен в сибирских волшебных сказках.

Если в русских народных сказках для создания преграды герою достаточно просто бросить предмет на своем пути, то во многих селькупских сказках герой иногда поет песнь или отбивает такт, только после чего возникает преграда – лес, горы, озеро или река. Это позволяет сделать вывод о том, что в основе мотива магического бегства с последующим бросанием предметов лежит архаичный миф об устройстве мира. Исполнение песни и отстукивание ритма при бросании волшебных предметов во многом имеет отсылку к шаманству, одной из древнейших форм религии и мировоззрения, распространенных на территории Сибири.

Существенной особенностью селькупских сказок является тот факт, что преследователь более никогда не предпринимает попыток обойти (или обогнуть) возникшее препятствие. В сказках препятствие функционирует как своеобразная граница, преграда, проложенная между двумя мирами – реальным и вымышленным, миром живых и миром мертвых.

Как правило, в русских народных сказках магическое бегство ясно выражено и обосновано: герой бежит от преследователя-антагониста (Бабы-яги, Кощея Бессмертного, царя-медведя, колдуна и т. д.). Несколько иначе обстоит дело в сибирских сказках – герой бежит, выполняет задания, борется с врагами. Сюжет некоторых селькупских сказок не дает конкретной информации о причине магического бегства.

В русских сказках мотив бегства тесно взаимосвязан с мотивом женитьбы. Сказочное повествование обычно заканчивается описанием «пира горой и веселья». В волшебных сказках Сибири мотив магического бегства далеко не всегда сопряжен со свадьбой героя (из приведенных выше примеров мотив женитьбы представлен в сказках «Иванушка да Марья Чудовна», «Настасья – золотая коса и Иван-царевич»). В целом в сибирских сказках магическое бегство зачастую связано с попутным выполнением героем заданий, совершением действий, преодолением препятствий.

Как в русском, так и в селькупском прозаическом фольклоре практически в равной степени представлены все формы магического бегства: бегство с бросанием предмета, бегство с превращениями, бегство (и погоня) с последовательными превращениями. Превращаться в различные волшебные предметы могут как бегущий, так и преследователь. Здесь следует отметить характерную особенность: если в русских народных сказках преследователь чаще всего оборачивается животным (конь), рыбой (ерш, щука), зернышком или кольцом, то во многих селькупских сказках встречаются антропоморфные образы преследователя. Исходя из сюжета сказки, сложно судить об ипостаси преследователя (его образ переходит от птицы к рыбе, затем снова к птице), а также о его гендерной принадлежности. Сказанное выше во многом отражает древние, тотемические религиозные представления коренных народов Сибири.

Приведенные выше многочисленные примеры подтверждают, что мотив магического бегства – один из наиболее распространенных мотивов как в русском, так и в селькупском фольклоре. Однако

репрезентация мотива бегства в русских и селькупских сказках имеет ряд общих и отличительных черт. Анализ сказок позволяет понять, насколько сильно взаимодействие и взаимовлияние фольклорных традиций.

В целом следует отметить, что в селькупских сказках мотив магического бегства имеет более подробную, тщательную, детальную проработку. Наряду с основными в селькупских сказках присутствуют такие формы магического бегства, как бегство с временным превращением и возвращением к первоначальному виду (во многом отражает антропоморфные представления коренных жителей Сибири, мотив основан на метаморфозах) и бегство без превращения.

В селькупских сказках волшебство осмысливается скорее как практическая и реальная магия, а не сказочный вымысел. Именно поэтому селькупские сказки порой трудно отличить от мифологических рассказов или быличек, в которых магия представляется как одна из обычных форм взаимоотношений людей и существ иного мира.

В заключение следует отметить, что селькупские сказки занимают неотъемлемое и значительное место в русской фольклорной традиции. При формировании локального репертуара определяющее значение имели особенности бытования русской сказки в Сибири, специфика социально-бытовых условий, которые способствовали распространению волшебных сказок, сохранению эпической традиции региона.

Сказки о магическом бегстве архаичны, их истоки уходят в глубокую древность, они сохранили языческие воззрения человека, его мифологические представления об окружающем мире.

Список литературы

1. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
2. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.
3. Азадовский М. К. История русской фольклористики. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.
4. Мелетинский Е. М. Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. 234 с.
5. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 194 с.
6. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки: в 3 т. М.: Терра, 2008. 1512 с.
7. Символика чисел в фольклоре. URL: <http://grail.chudoforum.ru> (дата обращения: 25.11.2016).
8. Тучкова Н. А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А. И. Кузьминой // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 2 (130). С. 205–208.
9. Русские волшебные сказки Сибири. Новосибирск: Наука, 1981. 336 с.
10. Вайда Э. Д., Ким-Малони А. А., Ким А. А. Лингвокультурная интерпретация метаморфозы в фольклоре народов обско-енисейского ареала // Томский журнал лингв. и антроп. исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2016. Вып. 2 (12). С. 73–80.
11. Библиотека сибирского краеведения. Бурятский фольклор. URL: <http://museumsrussian.blogspot.ru> (дата обращения: 26.11.2016).
12. Низшая мифология. Существа низшей мифологии. URL: <http://www.symbolarium.ru> (дата обращения: 27.11.2016).
13. Мотив «три царства» в фольклоре. URL: <http://society.ru> (дата обращения: 28.11.2016).
14. Происхождение русской волшебной сказки. URL: http://osobennosti_russkoj_volshebnoj_skazki (дата обращения: 28.11.2016).
15. Третьякова О. В. Обряды и обычаи народов Сибири. М.: Астрель, 2012. 608 с.

Терешенко Анна Васильевна, аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: annadocuments1988@gmail.com

Материал поступил в редакцию 28.11.2016.

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-3-56-62

REPRESENTATION PECULIARITIES OF MAGIC ESCAPE MOTIVE IN RUSSIAN AND SELKUP PROSE FOLKLORE

A. V. Tereshchenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The article is devoted to the problem of folklore motives and their language representation. In folklore studies the following motives are distinguished: birth and death, three kingdoms, big house, marriage, enchanted forest and magic escape. The latter is one of the most popular motives not only in folklore but also in literature. The author resorts to the classification of magic escape forms introduced by V. Propp: magic escape alongside with throwing things/objects, magic escape connected with transformations, magic escape and pursuit. Special attention is paid to metamorphosis due to which characters can transform into different animals or birds (a horse, a wolf, a swan, an eagle, a hawk, a loon, a bear, a ruff) or objects (a ring, a straw, a needle). The characters of a runaway (a young man) and pursuer (a witch, a sorcerer) are studied. The article makes distinction between fairy tale plots and compositions in Russian and Selkup folklore. Some common and peculiar features are found. Magic escape motive is regarded as one of the oldest, it dates back to ancient mythology and could be found in different folklore traditions. The author comes to the conclusion that different motives are interweaved in fairytale plots. Cultural and ethnographic background determines peculiarities of Selkup and Russian prose folklore.

Key words: *magic escape motive, plot, composition, prose folklore, magic, character, Russian folk tales, Selkup fairy tales.*

References

1. Propp V. Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [Historic roots of fairy tales]. Moscow, 2000. 336 p. (in Russian).
2. Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Fairy tale morphology]. Moscow, 2001. 144 p. (in Russian).
3. Azadovskiy M. K. *Istoriya russkoy fol'kloristiki* [The history of Russian folk studies]. Moscow, 2014. 1056 p. (in Russian).
4. Meletinskiy E. M. *Struktura volshebnoy skazki* [Fairy tale structure]. Moscow, 2001. 234 p. (in Russian).
5. Pomerantseva E. V. *Mifologicheskiye personazhi v russkom fol'klore* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow, 1975. 194 p. (in Russian).
6. Afanas'ev A. N. *Russkiye narodnye skazki. V 3 t.* [Russian fairy tales. In 3 volumes]. Moscow, 2008. 1512 p. (in Russian).
7. *Simvolika chisel v fol'klore* [Symbolism of numerals in folklore] (in Russian). URL: <http://grail.chudoforum.ru> (accessed 25.11.2016).
8. Tuchkova N. A. Fol'klornye teksty s geroem Itya v sobranii A. I. Kuz'minoy [Folklore stories of Itya in the archive of A. I. Kuzmina]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, vol. 2 (130), pp. 205–208 (in Russian).
9. *Russkiye volshebnye skazki Sibiri* [Russian Siberian fairy tales]. Novosibirsk, 1981. 336 p. (in Russian).
10. Vayda E. D., Kim-Maloni A. A., Kim A. A. Lingvokul'turnaya interpretatsiya metamorfozy v fol'klore narodov obsko-eniseyskogo areala [Linguo-cultural interpretation of metamorphosis in the native folklore of Ob-Yenisei area]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2016, no. 2 (12), pp. 73–80 (in Russian).
11. *Biblioteka sibirskogo kraevedeniya. Buryatskiy fol'klor* [Library of Siberian studies. Buryat folklore] (in Russian). URL: <http://museumsrussian.blogspot.ru> (accessed 26.11.2016).
12. *Nizshaya mifologiya. Sushchestva nizshey mifologii* [Low Layer of Mythology. Inferior Mythological Creatures] (in Russian). URL: <http://www.symbolarium.ru> (accessed 27.11.2016).
13. *Motiv "tri tsarstva" v fol'klore* [Three kingdoms motive in folklore] (in Russian). URL: <http://society.ru> (accessed 28.11.2016).
14. *Proiskhozhdeniye russkoy volshebnoy skazki* [Russian fairy tale genesis] (in Russian). URL: http://osobennosti_russkoj_volshebnoj_skazki (accessed 28.11.2016).
15. Tretyakova O. V. *Obyady i obychai narodov Sibiri* [Rites and customs of Siberian people]. Moscow, 2012. 608 p. (in Russian).

Tereshchenko A. V., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061). E-mail: annadocuments1988@gmail.com